

ТЕВЛИНА ВИКТОРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА

доктор исторических наук, старший научный сотрудник Баренц института университета Тромсе (Норвегия), профессор Северного (Арктического) федерального университета (Россия), victoria.tevlina@uit.no

TEVLINA VICTORIA

doctor of science in history, senior researcher, Barents institute of Tromso university (Norway), professor, Northern (Arctic) federal university (Russia)

УДК 304.4

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

SOCIAL POLICY IN RUSSIA IN RETROSPECT

Аннотация. В данной статье, затрагивающей различные периоды истории России (XIX, XX и начало XXI века), делается попытка комплексно проследить некоторые особенности, связанные с формированием представлений о роли и значимости человека как личности и гражданина в социальной политике страны. Кроме того, важным является анализ практических мер по оказанию социальной помощи людям.

Abstract. The author touches upon different periods of the history of Russia (19, 20 and the beginning of the 21st century) and attempts to follow in a complex way some features connected with the formation of the ideas of the human being role and importance as a person and a citizen participating in the country social policy. The paper also analyzes practical measures of rendering social help to people.

Ключевые слова: социальная политика, социальная работа, социальное образование, социальная помощь и поддержка.

Keywords: social policy, social work, social education, social help and support.

Введение

Глобальные социальные проблемы, такие как рост нищеты, безработица, преступность и миграция населения, беспризорность детей, ухудшение общественного здоровья не являются для России чем-то новым и необычным. Они не новы и для других государств. Столь актуальные социальные вопросы возникали в истории и ранее и, как правило, были обусловлены системными изменениями, связанными с установлением новой власти, выбором иного пути экономического и политического развития, масштабными войнами. Именно в эти социально-кризисные периоды шли поиски направлений проведения эффективной социальной политики, лежащей в основе развития всей социальной сферы, определялось место и значимость человека в процессе ее осуществления.

Реформы и зарождение новой системы социальной помощи

В течение XVIII — первой половины XIX века в России появились государственные приюты, больницы, богадельни, которых, правда, было мало, всего не более 50. Дополнительную помощь издавна оказывали церкви, монастыри как первые сторонники царской власти и проводники чело- веколюбивой православной веры. Немалую роль играли крестьянские семьи и общины, в которые

объединялись крестьяне, чтобы легче вести хозяйство и помогать друг другу в случае необходимости.

Впервые стремления определить концептуальные подходы к социальной политике и, в первую очередь, к призрению стали заметны в России в конце первой четверти XIX века, в эпоху правления Александра I (1801–1825). В число благодетелей, которые стали появляться и делать существенные материальные вложения в развитие социальных учреждений и помощь отдельным нуждающимся, входили люди, которые пытались создавать свои общественные организации. Правда во многом эти организации были подконтрольны государству, тем не менее, специалисты в области призрения начали высказывать свои идеи, изучать опыт других стран, оказывать безвозмездную помощь бедным по зову сердца.

В России набирало силу так называемое благотворительное движение, состоящее из энтузиастов, стремящихся внести материальный или нематериальный вклад в развитие системы социальной помощи населению. Социальная помощь в России никогда не была в одних руках, хотя государство держало контроль за тем, что происходило с помощью Департамента (Приказа) Общественного призрения.

При следующем монархе, Николае I (1825–1855), правительство из-за боязни потерять власть

очень настороженно отнеслось к набиравшему силу благотворительному движению. Оно ставило бюрократические препоны при учреждении обществ и заведений, требовало справки о благонадежности и нравственных качествах филантропов. Тем не менее, несмотря на имевшиеся ограничения и отношение к социальной сфере как к второстепенной, к 1850-м годам общественная благотворительность в России начала занимать все более значимые позиции. Стали заметны не только подвижники, проводившие колоссальную по своей значимости социальную работу, но и общественные организации.

В России в первой половине XIX века политику в социальной сфере определял царь и подчиненный ему Департамент Общественного призрения. Департамент Общественного призрения оказывал помощь наиболее нуждающимся служащим, вдовам, ветеранам войн, детям. Эта помощь заключалась в лечении их в больницах, содержании в приютах или выплате единовременных пособий. Однако большая часть населения, также живущая в бедности, оставалась без внимания. Стремясь проявить милосердие, как учила православная церковь, параллельно с государственными социальными учреждениями, члены царской семьи, дворяне и купцы оказывали помощь нуждающимся частным путем. В целом же при Николае I позиция государства в социальной сфере была достаточно слабой. Руководство страны больше всего волновало в то время проблемы сохранения царской власти, победа в Крымской войне, борьба с оппозицией, на которые требовались и политическая воля, и финансы. Тем не менее, к середине XIX века российская система призрения имела более государственный характер, чем в других странах [17, с. 3–6; 18, с. 12–15].

Если в конце XVIII века в ведении 55 региональных отделений Департамента призрения находилось всего лишь несколько десятков социальных учреждений, то к концу 1850-х годов, т.е. примерно через 60 лет, их число возросло более чем в 20 раз, составив 769 заведений [2, с. 122]. Получается, что каждый год в России в среднем открывалось 11 социальных учреждений различного типа, что было неплохо, если считать, что социально-экономические, политические и даже финансовые условия для открытия новых структур были не столь благоприятными.

Между тем, в 1830–1850-е годы в России велись дискуссии об оптимальных путях развития благотворительности. Так, были высказаны идеи о том, что Россия, где издавна люди проявляли милосердие к нищим и убогим, нуждается в активном привлечении общественности к социальной помощи населению. С началом модернизации и индустриализации при Александре II (1855–1881) формирование благотворительного движения, в котором стали принимать участие самые разные благотворительные организации энтузиастов, приобрело небывалый размах.

Церковь и семья за неимением сил и средств для оказания помощи постепенно отошли на второй план. Дело в том, что в конце 1850-х годов падение объемов производства и капитализация

отношений в российской деревне обострили экономическую и политическую обстановку, став одной из причин ухода сельского населения в города и расслоения общества. При отсутствии апробированных методов построения рыночной экономики и при неподготовленности населения к серьезным переменам резко не только обострилась ситуация на потребительском рынке, но и усилилась социальная напряженность в обществе. Пожилые люди, инвалиды войн испытывали материальные трудности. Войны, а также бедственное положение большинства сельских и городских жителей обострили социальное положение детей-сирот, детей бедных родителей, а также семей, оставшихся без средств существования. Кроме вопросов призрения, обнажились такие социальные проблемы, как низкий уровень медицинского обслуживания и безграмотность населения, неразвитость санитарных служб, нехватка социальных учреждений различного типа. Социальная сфера нуждалась в серьезной финансовой поддержке.

Определенная боязнь принятия так называемого индивидуального или личностного подхода в организации системы оказания благотворительной помощи человеку, усугубленная нежеланием демократизировать, социализировать и «очеловечивать» большинство процессов, происходящих в обществе, также привели к определенным трудностям в укоренении эффективной социальной политики и, как следствие, социальной работы в стране. Об этом свидетельствовали и многочисленные дискуссии среди общественности и государственных деятелей о принципах и оптимальных путях совершенствования благотворительности, которые велись особенно активно во второй половине XIX и начале XX столетия.

Напомним, что благотворительность — это добровольная социальная деятельность, которую граждане страны осуществляли по своей инициативе. Они действовали или частным образом, или учреждали общественные организации по всей России, ограничения на открытие которых были сняты законодательством 1862 года. С этого времени они могли начать свою деятельность не по прямому указанию высочайшей власти, а лишь в результате прошения, поданного в Министерство внутренних дел. Кроме того, граждане получили возможность организовывать с 1864 года сельские (земства) и с 1870 года городские органы самоуправления (думы), которые также занимались социальной помощью. Для этого граждане использовали собственные средства, а органы самоуправления — установленные в регионах налоги с недвижимого имущества, штрафы, судебные сборы и т.д.

После реформ 1860–1870-х годов энтузиасты-благотворители (члены Человеческого общества, Ведомства учреждений императрицы Марии и др.) высказывались за необходимость децентрализации системы призрения, то есть передачи функций государства благотворительным организациям и органам земского и городского самоуправления [5, с. 8]. С такой позицией были вынуждены согласиться Александр II (1855–1881), Александр III (1881–1894) и Николай II (1894–1917), а также

созданная по инициативе царей и возглавляемая Константином Гротом Комиссия по пересмотру законодательства об общественном призрении. Она проводила свою работу в 1892–1897 годы. Результатом дискуссий явилось провозглашение принципа адресной помощи нуждающимся основным.

В начале активной модернизации (1860-е годы) государственный Департамент общественного призрения по причине постоянной критики общественности за бюрократизм, формализм, неудовлетворение нуждающихся в социальной помощи были заменены местными органами самоуправления. Правда, в 44 не земских губерниях они просуществовали до 1917 года, однако так и не стали полномасштабной и эффективной базой функционирования системы социального обслуживания населения.

Между тем передача в органы самоуправления обязанностей по проведению социальной деятельности, а также предоставление функций социальных работников сотрудникам социальных учреждений способствовали развитию не только народного образования и здравоохранения. Значительно улучшилась социальная помощь и поддержка нуждающихся, которая осуществлялась в конце XIX — начале XX века в 34 земских губерниях, губернских и уездных городах. По сравнению с действовавшей параллельно государственной системой деятельность земских и городских органов самоуправления оказалась намного эффективнее: по количеству учреждений она превосходила всю государственную систему призрения почти в 2 раза [14, с. 64–67].

Появление в земской работе новых форм деятельности, таких как общественные работы, медико-социальная помощь сельскому населению, внешкольное и школьное образование, обучение социальной помощи и т.д., свидетельствовало об инновационности подходов местных органов самоуправления в помощи гражданам. В то же время земства, городские думы и управы не отвергли в полной мере традиционные формы приказной системы, также стараясь использовать их позитивные достижения на практике. «Все это позволяет утверждать, что качество организации социальной помощи в земских учреждениях повышалось в течение всего периода их существования. Земства могли бы стать основными структурами социального обеспечения в России как стали ведущими муниципальными службами социального сервиса в ряде стран Европы» [4, с. 165].

Итоги работы земств к 1917 году достаточно впечатляют. С 1860 по конец 1880-х годов ими была оказана различного вида помощь, как правило, материальная, 3,5 млн. крестьянских хозяйств. Более того, 38 млн. сельских и городских жителей, т.е. каждый третий в стране, получили надел земли от сельского или городского местного управления. И еще одним из важных показателей активности органов самоуправления являлся бюджет: между 1864 и 1913 годами доход земств возрос с 14,7 до 253,8 млн. рублей [19, с. 144]. При этом основной уровень расходов пришлось на народное образование, здравоохранение и социальную поддержку людей. В конце 1800-х годов стало понятным, что

любые практические действия в области реализации социальной политики представляют собой совокупность усилий государства и отдельных личностей, наделенных определенными качествами и знаниями. В свою очередь, успех социальной политики в решающей степени зависит от социально-ориентированных кадров, разрабатывающих и осуществляющих соответствующие мероприятия.

В начале XX века российская система призрения получила свое обоснование как одна из приоритетных социально-политических задач для государственной власти и общественности одновременно.

Особенности советской социальной политики

Масштабные перемены в России после событий 1917 года изменили социальную сферу жизни, в том числе и систему государственно-общественного призрения. Она в условиях новых кардинальных перемен, где государство стало лидером всех процессов, приобрела иной статус. Конституция РСФСР, принятая в июле 1918 года, законодательно закрепив завоевания октябрьского переворота 1917 года, утвердила изменения в государственной политической и идеологической системах, структуре управления и хозяйствования, общественных отношениях в советской стране. С начала 1918-го по 1930-е годы государство провело поиск концептуальных подходов по организации социальной помощи гражданам, путей стабилизации социальной обстановки. Практически сразу же начали создаваться органы, ответственные за социальную помощь и поддержку людям. Шел интенсивный поиск форм, технологий и направлений работы с наиболее нуждающимися в помощи категориями населения.

Основы социальной политики, просуществовавшей все советские годы, были заложены в документе, принятом 31 октября 1918 года, «Положении о социальном обеспечении трудящихся». В нем законодательно закреплялись принципиально новые функции государства: социальное обеспечение всех без исключения граждан РСФСР, источником существования которых являлся лишь собственный труд, социальное обеспечение трудящихся за счет государства и через органы власти [16]. По сути, такого же характера модель начали выстраивать и другие государства Европы.

Пока же, в 1918 — начале 1920-х годов, идеологические установки государства по созданию системы социального обеспечения населения во многих случаях носили и воспринимались как прогрессивные. В целом они базировались на том, что субъектами социальной помощи и поддержки являлось государство с его законодательными и исполнительными функциями, партийные, профсоюзные, общественные организации. На смену многочисленным благотворительным обществам, союзам и кружкам пришли такие подконтрольные государству общественные организации, как профсоюзы, отделения Детского фонда, Красный Крест, Всероссийское общество слепых и Всероссийское объединение глухонемых. В течение всего советского периода они совместно с работниками государственных учреждений социальной сферы являлись субъектами социальной помощи.

В советский период государство приобрело лидирующее место в контроле и инициативах в социальной сфере. По мере своего формирования и развития оно все активнее занималось этой сферой, при этом обращалось к преданной делу революции части общества. Наиболее ярко это проявилось в процессе подготовки кадров для оказания социальной поддержки населению, где государство стало опираться на создаваемые им структуры, а также благотворительные порывы общественности в особо экстремальные годы войн и послевоенного восстановления хозяйства. Иными словами, участие власти в решении социальных вопросов пошло как по линии административно-политической, так и по линии кадровой. На разных исторических этапах развития советского общества менялись лишь формы и методы организации и деятельности в области социального обеспечения, образования или здравоохранения в целом и подготовки специалистов для их реализации в жизнь в частности.

В условиях отсутствия в стране профессии «социальный работник» наиболее подходящими для выполнения социально-защитных функций оказались специалисты социально-гуманитарной сферы — учителя, врачи, воспитатели, работники органов социального обеспечения, профсоюзные, общественные и даже партийные активисты. Такая односторонность отразилось в непрофессиональном подходе к использованию этих специалистов, призванных заниматься решением вопросов социальной помощи не напрямую, а совмещая со своей основной профессией.

Анализ материалов различных съездов и конференций как в России, так и за рубежом показывает, что идея огосударствления социального обеспечения высказывалась прогрессивной общественностью активно и повсеместно еще в начале XX века [9, с. 18; 15, с. 1–5; 12, с. 5–10; 11, с. 4]. Между тем, лишь советское правительство реально, в отличие от предшествующих правительств стало переходить от принципов демократизации и адресности в оказании социальной помощи к государственно-централизованной парадигме в социальной политике. Причем происходило это достаточно централизованно, жестко и дифференцированно и, в первую очередь, в вопросах распределения материальных благ наиболее нуждающимся классам — рабочим и крестьянам и их детям.

Государство, руководствуясь идеологическими установками, на протяжении советского периода стремилось «избавить женщину от домашнего рабства», предоставить ей фактическое равноправие. Женщина должна была активнее работать, а не проводить все время дома, готовя обеды и воспитывая детей. Немаловажным направлением в социальной политике стало и воспитание нового человека, которое стало не просто делом государственной важности. Так, образование, по сути, было признано «социальным воспитанием», которое стало государственной доминантой системы обучения, воспитания и социальной поддержки людей, начиная с младенческого и заканчивая пенсионным возрастом.

Говоря о социалистическом выборе России, анализируя те цели, задачи и идеалы, к которым

устремлялась власть, стоит отметить то, что в годы формирования нового государства мало звучала тема человека, его прав, свобод, социального статуса, его самооценности как индивида. Конечно, об освобождении человека от эксплуатации говорили многие. Достижение этих целей было связано с развитием человека. И в то же время «человеческая жизнь не растворена в этих целях и проблемах, она, будучи неразрывно с ними связана, представляет и нечто самостоятельное, ценное и высшее» [1, с. 236]. Однако такого понимания в должной мере не ощущалось.

Революционные преобразования в советской России обнажили пласт социально-экономических и политических противоречий, но не вычленили противоречия между организацией общественной жизни, социальными институтами, способами защиты личности и устремлениями человека к обретению личной свободы, гражданственности, защите своих прав. Данная односторонность социально-политических устремлений практически сразу оказалась растворенной в социально-классовых катаклизмах, возникших в процессе становления советского общества и, к сожалению, не стала предметом осознания ни со стороны власти, ни со стороны общества. Это дало о себе знать, правда, не сразу, а спустя годы, в ходе формирования системы социального обеспечения, которое свелось, главным образом, к решению вопросов материальной помощи, санаторно-курортного обслуживания, развития институтов образования и воспитания.

От социального обеспечения к социальной защите

В начале 1990-х годов наступил совершенно иной, отличный от советского периода, исторический этап развития государства. Появилась новая система власти, произошел переход страны к рыночной экономике. При этом в начале 1990-х годов после либерализации цен до 70–90% населения оказались на границе нищенского существования. Впервые за послевоенные годы (1945–1989 годы) в пятидесяти территориях России смертность превысила рождаемость. К 1994–1995 году задолженность по выплате заработной платы работникам различных предприятий и организаций составила 4,2 трлн. рублей [13, с. 143–145].

В постсоветский период, в 1990-е годы, вновь стали наблюдаться явления, схожие с тенденциями начала XX столетия. Под влиянием экономического кризиса и роста социальных проблем в обществе, которые возникли в результате распада единого экономического и геополитического пространства страны в начале 1990-х годов, в обществе появились тенденции, ранее не характерные и не свойственные ему. Речь идет о снижении уровня жизни, безработице, профессиональном нищенстве, падении уровня жизни, рождаемости, распад института семьи и др. В действительности, такие тенденции уже имели место в отечественной истории, и особенно активно проявляли себя в 1900–1920-е годы.

Ситуация, сложившаяся на рубеже XX — XXI столетий, потребовала мер по выведению страны из социального кризиса и подталкивала органы

власти к поиску новых подходов и видения социальной политики. Пожалуй, впервые в истории было заявлено о политико-идеологической ориентации на приоритет общечеловеческих ценностей. Это предопределило выработку соответствующих мер социальной деятельности государственных органов относительно семьи, людей пожилого возраста, инвалидов и т. д. Кроме того, в начале 1990-х годов приобрела особую остроту проблема перестройки органов социального обеспечения населения. В итоге, действительно иначе, чем ранее, стали решаться не только социальные проблемы инвалидов и лиц пожилого возраста, но и многие другие социальные вопросы.

Одной из новаций со стороны власти стала поддержка общественности страны по развитию уже существующих и созданию новых общественных организаций. Активизировались многочисленные благотворительные общества, фонды, объединения. Среди них Советский фонд культуры (1986), Советский фонд милосердия и здоровья (1987), Красный Крест (1864) и др.

Наиболее заметное создание новых организаций началось в 1993–1994 годах и через почти 15 лет достигло значительных успехов. Эти организации не ограничивались только оказанием материальной помощи. Они взяли на себя выполнение социальных функций государства, неспособного в данный период полностью защитить и обеспечить своих граждан. В результате в стране возник механизм социального взаимодействия государства и общественности. Он включал такие формы деятельности, как государственный социальный заказ, стимулирование социальной активности, привлечение частных спонсоров к открытию социальных учреждений.

Тенденции российской государственно-общественной благотворительности и взаимопомощи в 1990-е — начале 2000-х годов были и схожи, и отличны от таких же тенденций конца 1890-х — 1917 годов. В том и другом периоде произошел всплеск активности в деятельности благотворительных организаций. Имела место активизация социальных взаимоотношений между государственными и общественными организациями, сопровождавшаяся структурными изменениями социальных отношений, связей, учреждений и организаций. Началось создание кадрового резерва для более активного и квалифицированного решения социальных вопросов.

Однако в 1990-е годы возникло государство иного типа, более демократическое и социализированное, чем в начале XX века, которое отличалось по экономическим, инфраструктурным, культурным и иным показателям. Качественно по-иному выглядело развитие гражданского общества, которое продолжило свое формирование в 1990-е годы. А ведь в XIX — начале XX века гражданское общество уже заявляло о себе, эволюционировало и все четче проявляло себя. Одним из показателей наличия такого общества как раз являлось благотворительное движение, а также профессиональные общественные объединения, частные фонды и ассоциации, получившие в настоящее время

существенное влияние. Более того, большую роль играли органы местного самоуправления.

И вот почти после десятилетней работы, к 2007 году признаки гражданственности вновь показали себя в России. Кроме того, стали заметны повышение статуса нуждающихся людей в целях оздоровления общества, усиление заботы о них, организация социального обслуживания.

В этой связи уместно привести слова одного из самых компетентных специалистов в этой области Е. Д. Максимова, который еще в конце XIX века настоятельно рекомендовал «обращать внимание на необходимость серьезно соразмерить действия, средства, а главное определить единую цель социальной политики на всей территории страны» [7, с. 4–6].

Своеобразием 1990-х — начала 2000-х годов стало то, что комплексная перестройка социального сектора происходила в государстве, которое отличалось от предшествующего в экономическом, инфраструктурном, культурном и других отношениях. А на такую перестройку, как показывает история государств, требуется как минимум 20–25 лет.

Особенностью социальной помощи в постсоветской России стало совпадение ее задач с масштабным реформированием профессионального образования в целом и гуманитарного, в частности. Произошло изменение законодательной базы в направлении пересмотра государственных стандартов, учебных планов и программ подготовки различных специалистов. Был узаконен подход к образованию, учитывающий нужды и потребности человека в социальной защите.

В условиях переходного периода 1990-х годов проблема профессионального образования потребовала нового осмысления, поиска преемственности советского и постсоветского этапов развития образовательной сферы. На основании ряда исследований были предложены различные теоретико-методологические концепции реформирования высшей школы. Они раскрывали исторические тенденции и противоречия в профессиональном образовании, а также их связь с реальными потребностями общества.

По сути, эти концепции сохраняли элементы советского времени и, в то же время, содержали новые идеи и положения. В итоге образованию в интеллектуальном и духовном развитии нации в стратегии развития России, выработанной государством и поддержанной учеными, была отведена одна из ключевых ролей.

В начале 1990 года Министерство труда и социального развития совместно с вузовскими учеными и специалистами приступило к разработке теоретических и практических основ профессиональной социальной работы. Они включали формы, направления, базы подготовки, перечень профессиональных умений и навыков, но, к сожалению, при этом часто игнорировался опыт прошлых десятилетий. Тем не менее, характерным признаком системы подготовки социальных работников постсоветского периода стал, как и ранее, отраслевой подход к отбору высших учебных заведений, способных открыть факультеты социальной работы и начать

на своей базе преподавание всего спектра социальных дисциплин.

Если в России университетов, открывших специальные факультеты подготовки по направлению «социальная работа», в 1992 году насчитывалось 21, то к 2010 году их число увеличилось в целом до 131. Обращение к статистическим данным показывает, что если в 1991–1992 году высшие учебные заведения, готовившие специалистов по социальной работе, функционировали в 17 субъектах РФ, то к концу 2010 года факультеты социальной работы открылись уже в 68 областях страны [6, с. 64; 8; 10, с. 100].

В итоге можно сказать, что многопрофильность социальных проблем и пути их политических решений, использовавшиеся в истории России, еще раз доказывают важность социальной ориентированности всей государственной структуры управления, а не только ведомств и благотворительных обществ, концентрированных на социальную поддержку населения. От такого понимания дел в конечном итоге зависит превращение потребностей и интересов людей в реальный факт социальной политики государства.

Думается, что социальные проблемы в российском государстве и обществе XIX — начала XXI века можно и нужно решать на базе совокупного исторического научного знания, стержнем которого в данном случае являются такие социально-гуманитарные науки, как социальная история, социальная антропология, социальная философия и т. д.

В процессе эмпирических и теоретических изысканий в социальной политике требуется профессиональная подготовка в социальной области. Иными словами, в контексте проблематики социально-исторического опыта и моделей социальной помощи, сложившихся в России, немаловажным вопросом являлся кадрово-образовательный. Он подразумевал решение задач по подготовке как раз тех специалистов, которые необходимы для разработки концепции и проектов социальной политики, а затем и их реализации. Причем характерно, что в процессе формирования социальной составляющей российской истории такое обучение было ориентировано на повышение социального мышления, а также знаний и практического опыта в первую очередь специалистов, затем широких слоев населения и, к сожалению, меньше всего управленцев и политиков.

1. Барулин В. С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. — СПб.: Алетейя, 2000. — 432 с.
2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. Энциклопедический словарь. Т. XXVIII (а). — СПб.: Семеновская Типография, 1898–1899 (репринт 1990 г.). — 874 с.
3. Вавилов А. П., Злобин П. Е. Учебно-методическое объединение: история, опыт, перспективы // Ученые записки МГСУ. — 2001. — №1(21). — С. 188–191.
4. Горнов В. А. Общественное призрение как социальный институт в эпоху модернизации во второй половине 19 — начале 20 вв. Монография. — СПб.–Рязань, 2003. — 199 с.
5. Жбанков Д. Н. Несколько заметок по поводу проекта общественного призрения. — СПб., 1895. — 22 с.
6. Жуков В. И. Социальное образование в России. Доклад, сделанный на ежегодном заседании Академии Социального образования 16 июня 1998 г. — М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1998. — 53 с.
7. Максимов Е. Д. Очерк земской деятельности в области общественного призрения. — СПб.: Типография Сената, 1895. — 105 с.
8. Материалы заседания Совета УМО вузов России в области социальной работы за 1998–2000-е годы. — М.: РГСУ, 2010. — 45 с.
9. Отчет о занятиях Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии в Санкт-Петербурге, 31 мая — 4 июня 1906 г. — Рига: Типография Л. Банкенштейна, 1906. — 32 с.
10. Подсчеты количества обучающихся социальной работе, факультетов сделаны с использованием данных из работы: Топчий Л. В. Кадры социальных служб России / Под общей ред. В. И. Жукова. — М., 2000. — Т. 20.
11. Резолюции Всероссийского совещания деткомиссий и обществ «Друг детей», 22–30 мая 1930 г. — М., 1930. — 15 с.
12. Резолюции по докладам Второго Всероссийского съезда социально-правовой охраны несовершеннолетних, 26 ноября — 1 декабря 1924 г. — М., Народный комиссариат по просвещению, 1925. — 37 с.
13. Россия на пороге 21 века. Оглядываясь на век минувший. — М., Наука, 2000. — 342 с.
14. Тевлина В. В. Образование в области социальной работы в России: история, тенденции, опыт: монография. — Архангельск: Издательский центр СГМУ, 2002. — 398 с.
15. Труды I съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. — СПб.: Типография И. В. Леонтьева, 1910. — 873 с.
16. 60 лет советского здравоохранения. — М., Медицина, 1977. — 416 с.
17. Huff Dan. The Social Work history station. — New York: Boise State University, 2002. — 110 p.
18. Levenstam Thorsten. Kyrklig diakoni och samhällets sociala omsorgsarbete: omkring 1850 — omkring 1975. — Alvsjö: Skeab/Verbum, 1981. — 367 p.
19. Polunov Al. Russia in the nineteenth century. Autocracy, reform, and social change, 1814–1914. — New-York — London, 1995. — 286 p.